

текст: Ангелина ТРОЦЬ

«О-ТОМ-КТО-СИДИТ-В-ПРУДУ И НЕ ТОЛЬКО»

В предновогоднее время в воздухе витает дух праздника и чудес. Он не обошел стороной и нашу редакцию. С нами случилось маленькое чудо – неуловимый Александр Владимирович Млечко, которого так любят за профессионализм, отзывчивость и постоянное участие в студенческих судьбах, нашел время для интервью

- Александр Владимирович, перенеситесь мысленно в то время, когда Вы были студентом. Каково это – учиться в совсем молодом вузе, писать научную работу у Валерия Александровича Пестерева?

- Судя по вопросу, и то, и другое исполнило роль рокового бремени, бросившего темную уродливую тень на некогда беззаботную и беспечную жизнь удалого розовощекого школьника (смеется).

ВолГУ и сейчас «совсем молодой», по-прежнему ясный солнечный свет вольно гуляет по его широкому коридорам, все так же холодно приветливы его мраморные ступени, все так же в его окнах дрожат далекие вечерние заволжские огни. Он стал еще моложе – мы в свое время и мечтать не могли о светлых и теплых аудиториях, садах Семирамиды перед корпусами А и Г, а уж что и говорить о карликовом Байкале во дворе и о Том-Кто-Сидит-В-Пруду?!

А что касается Валерия Александровича... Он всегда выделял меня среди остальных студентов, поддерживал, я обязан ему очень многим. Научная работа была не самым главным. Мне всегда были дороги разговоры с ним – его ирония, уютный фатализм, способность распознать банальность, какую бы ритуальную маску она ни надела. Особенно запомнилась фраза перед защитой: «Саша, никогда не забывайте о том, что Ваша научная работа – прежде всего показатель Вашего духовного и интеллектуального развития». С тех пор привык шить кукольные наряды на каждую вторую написанную мной фразу.

- Чем Вы любите заниматься? Как проводите досуг, как развиваетесь, что читаете, откуда предпочитаете узнавать новости?

- Знаете, хочется ответить как в незатейливых романах для революционного юношества: «А по жизни он был парень шалый...». Я никогда не говорю себе: «А вот сейчас начнется мой досуг...». Или: «А не начать ли мне развиваться?». Или: «А не почитать ли мне книжку?». Собственно, обычно мои дни состоят из маниакального желания достичь одной заветной цели – выпастаться. На достижение этой благородной, сверкающей неприступной снежной белизны далеких гор цели брошены абсолютно все силы добра: в центре фронта насмерть стоят ментальные паттерны, с фланга расположилась конница угрюмых экзистенциалов, в лесу

спрятана тяжелая артиллерия – социальная самоидентичность... И в перерывах между боями начинаешь понимать: стоит Фаусту остановиться хотя бы на мгновение – и он вновь увидит Мефисто... Как в старой истории о первокурсниках, которые на уроке латыни случайно вызвали Дьявола. Поэтому могу сказать, что с досугом у меня напряженные отношения. А что касается любимых занятий – люблю появление ткани, когда после двух или трех, а то четырех задыханий придет выпрямительный вздох, пить глаза зрячих до дна и глаза слепых, сердца властительных теней, впалые щеки вечера, люблю твои глаза, мой друг, с игрой их пламенно-чудесной, когда их приподымаешь вдруг и словно молнией небесной окинешь бегло целый круг...

Думаю, насчет моих литературных предпочтений тоже все ясно (смеется). Новости смотрю и читаю постоянно, хаотично переключая каналы и, как рождественский запойный бражник по барам, бесцельно блуждая по новостным ссылкам в «интернетах». Обычно смотрю «Евроныус», «Рен» и «2x2». В «интернетах» особенно забавляют комментарии. Хотя, как правило, это все очень печально...

«...привык шить кукольные наряды на каждую вторую написанную мной фразу...»

- Скажите, пожалуйста, тяжело ли писать книги о журналистике в сегодняшних условиях?

- Сейчас вообще самое время «писать» – нет никакой цензуры, давления, огромное количество информации в свободном доступе. Парадокс заключается в том, что нет такого уж большого количества желающих писать о чем-либо – о журналистике, о литературе, об истории или философии. Сильно изменились приоритеты, сейчас все это мало кому интересно, эти смыслы и практики сейчас почти никому не нужны... Академическое знание претендует на маргинальный статус, знание все больше начинает носить либо прикладной, либо спекулятивный характер. Но мне никогда не нравился ни рынок, ни кружок юных зубных техников.

Я хочу сказать, что знание как таковое – во всяком случае гуманитарное – сейчас опошляется, банализируется, упрощается. Делается все для того, чтобы оно было как можно более простым, доступным для всех, эквивалентным, релевантным

той духовной расслабленности, которая определяет современную социальную реальность. В этом смысле мне нравится позиция Бодрийара, который говорил о начавшемся движении к тотальной банальности. Сегодня исчезает страсть, порыв, желание... Это как с художественной литературой – на книжных полках сотни томов современных авторов, а читать нечего. Во многом это положение порождается всеобщим помешательством на «технологиях»: технологии производства, технологии потребления, технологии письма, технологии чтения... Смыслы, ценности, порыв, дар, различия – все это сегодня становится уделом маргиналов. Данте перед входом в ад видит огромные толпы людей, гонимых по бесконечному пустырю тучами насекомых. И Вергилий говорит, что здесь собраны те, кто не сделал в своей жизни ни добра, ни зла. То есть они – «никто». Или «ничто». Продукт «технологий». Их не принял даже ад. И Вергилий говорит, что не стоит их долго разглядывать: посмотрели – и прочь...

В такой ситуации маргинальным становится все своеобразное и оригинальное, весь сектор хэндмейкинга – все то, что связано с порывом, с трансцендентностью, свободой... Или же этот сектор опошляется, вульгаризируется. В этом смысле на гуманитарном поле не работает понятие прогресса – в современных условиях практически исключено появление текстов уровня «Откровения Иоанна Богослова», «Божественной комедии», «Макбета» или «Потерянного рая». Боюсь, что удел современного «продвинутого пользователя» – жевать, надувая разноцветные пузыри, бесформенную смесь из «Ешь, молись, люби», политических виршей Дмитрия Быкова, рекламных брошюр и романов счастливых обладателей бесчисленных литературных премий...

- Почему для Вас привлекательны мифы в СМИ и творчество Набокова?

- Когда мой студент-курсовик выбирает тему будущей научной работы, я всегда спрашиваю его, чем бы ему хотелось заниматься, какая проблема ему действительно интересна, какая тема ему действительно близка. Нет ни малейшего смысла заниматься тем, что тебе не нравится, писать то, что ты писать не хочешь, изучать далекие от тебя, как личности, материи. Ну и себе я так же говорю... (смеется) Перефразируя известную сентенцию – «скажи мне, о чем твоя научная работа, и я скажу, кто ты». Тексты Набокова и проблеме медийной мифологии объединяет один всегда изводивший меня вопрос: что есть реальность? Кто убил Лору Палмер? Кто сидит в пруду?

Мне всегда была близка мысль о многоуровневости и слоистости реальности, наложении этих ее слоев друг на друга, их слиянии и неслиянности, их млеющей в житейском чаду воздушности, их плотности и призрачности, их чудовищной материи, сотканной из бесчисленных глаз и языков... И у Набокова, и в мифологии мне всегда был близок поиск этого мерцания.

- Что Вы хотите сказать, пожелать сегодняшним студентам, что они обязательно должны прочесть, что увидеть, попробовать? А для начинающих журналистов, безусловно, будут актуальны Ваши советы.

- Я плохой советчик в этих делах. Мне убеждение – у каждого своя дорога. Каждый должен «прорасти» навстречу тем смыслам и тем текстам, которых он действительно достоин. А дорогим для меня студентам хотел бы пожелать никогда не впадать в банальность и ни в коем случае не останавливаться, иначе можно увидеть Дьявола... Кстати, почему Вы меня не спросили – так кто же сидит в пруду?